

Мы двигались из кухни в комнату. Она была небольшого размера, но вмещала в себя всё, что нужно: кровать, рабочее место, выход на компактный балкон и мелочи вроде пары гантель, гитары и полки с книгами. Их было немало, и я решилась на вопрос.

— Ты много читаешь?

Оливер присел на кровать и упёрся руками в матрас. Он наклонил голову вправо, пытаясь вспомнить хоть что-то.

— «Да» — этот ответ вертится у меня в голове. Я не помню, как я этим занимался, но в моей голове именно такая мысль. Ничего более не могу тебе сказать.

Мои пальцы касались корочек книг, всё вокруг казалось таким... настоящим. Странно, но во сне я ощущаю себя реальной. Оливер реален, его квартира тоже. Мои чувства и эмоции совершенно неподдельны, и это кружило мне голову.

За окном резко изменилась погода, и капли дождя громко застучали по оконному стеклу. Ясное небо потемнело, и кроме шума дождя не было слышно никаких других звуков.

Оливер осматривал комнату, переводя взгляд с одного предмета на другой. Наконец, его взгляд остановился на мне. Он смотрел на меня внимательно, как будто о чём-то размышляя.

— Присаживайся ко мне, — сказал он, глядя мне в глаза. Его улыбка была грустной, и я поняла, что ему хочется, чтобы я была ближе.

Я молча присела рядом с ним и посмотрела в окно. Мне нравится такая погода, когда я дома. Она серая, но в ней есть что-то уютное и приятное. Там мокро, а здесь хорошо, особенно когда я рядом с ним. Я чувствовала себя в безопасности, и меня больше не пугали те безликие люди, которые ездят по улицам несуществующего города.

Но мою идиллию нарушил Оли.

— Что ты думаешь обо всём происходящем? — спросил он.

Было видно, что он уже более спокоен, чем полчаса назад. Но я заметила, что он нервничает.

Он часто проводил руками по своим полупрозрачным белым волосам, изредка поправлял толстовку, которую надел, когда мы пришли, и сжимал плед на кровати, когда что-то говорил мне.

— Мне нравится, — ответила я. — Мне редко снится что-то приятное, да и в целом у меня этого

не так много. Конечно, у меня есть друзья, отец, работа и досуг, но новых знакомств, которые приносили бы мне массу удовольствия и приятных чувств, уже давно нет.

Я чувствовала, что ему приятно слышать эти слова от меня. Не хочу показаться самоуверенной, но я это чувствовала.

— Я вообще не помню, чтобы с кем-то общался, — сказал он. — Не буду повторяться, но ты первый человек, с кем я осознанно разговариваю, и мне это приносит непередаваемые эмоции.

Мы долго сидели и разговаривали обо всём: об искусстве, о жизни, об интересах. Мне удалось немного узнать его ближе. Например, я узнала, что он умеет играть на гитаре и делает это довольно неплохо. Он и сам был удивлён своими способностями.

Он всё так же поправлял свои волосы. Его кожа даже при слабом освещении была идеальна: она светилась розовым оттенком и казалась безупречно ровной.

Я понимала, что вскоре я проснусь и его не окажется рядом со мной. Но почему-то я чувствовала, что его большие ладони не хотели меня отпускать, хоть мы и не касались друг друга.

Какие его руки на ощупь?

Я прикрыла глаза и почти в эту же секунду открыла их, чтобы приземлиться на землю из своих грез. Рядом с ним было так хорошо и комфортно. Я даже чувствовала себя тепло в какой-то степени.

В степени «насовсем».

Мне хотелось узнать, какой он внутри.

В голове промелькнули мысли о том, что было бы здорово залезть в него целиком, чтобы все узнать.

В этот день мне запомнились его руки.

Время близилось к вечеру, точнее, если так подумать, то уже к утру. Меня начинало клонить в сон. Мои веки медленно опускались и я не могла этому сопротивляться. Я легла на кровать Оливера, и мое сознание начало теряться.